

УДК 931.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-13-29

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории
Российской академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolay F. BUGAI
Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОБСТАНОВКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
КИТАЙЦЫ В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.
1920-1940-е ГОДЫ**

**PUBLIC-POLITICAL SITUATION IN THE FAR
EAST: CHINESE IN THE SOVIET CONSTRUCTION.
1920-1940th YEARS**

В 1990-е-2018 гг. в отношениях между двумя государствами происходили коренные изменения в разных сферах хозяйствования, культуры и в отношениях на индивидуальном уровне населения России и Китая. В большей мере это были позитивные связи, имевшие общие цели, дополнявшие и обогащавшие друг друга. Эти контакты исторически формировались между китайцами и народами России - СССР начиная с 1917 г., они переходили на новый уровень. Китайцы выступали в рядах тех, кто поддерживал Советы, а те из них, кто проживал на территории советской страны, становились еще и участниками происходивших общественно-политических процессов, как и изменений в сфере культур народов, в советском, партийном и национально-государственном строительстве. Разумеется, что и в этом случае были сложные периоды в отношениях, переходящие порой в острое конфронтационное противостояние, скорее, на межгосударственном уровне, как и светлые, что в большей степени было связано с отношениями китайцев, русских и других народов Китая и России. Китайцы, особенно пограничных провинций, обустроивались на постоянное поселение в России и участвовали в происходивших в ходе преобразований событиях. Поэтому в целях изучения этих процессов, более глубокого понимания их значения для современного русско-китайского мира важно знать историю разных сторон жизни, процессы формирования дружественных отношений соседних государств. Весьма ценным будет обращение к опыту прошлого, который мог быть как позитивной, так и негативной практикой, имевшей место в ходе развития отношений между китайцами и местным населением Дальнего Востока: что можно использовать из этого опыта, что могло бы содействовать сближению народов, улучшению их положения, формированию приемлемых жизненных условий, обеспечению базы для безопасности государств.

In the 1990's - 2018 years. In the relations between the two states, radical changes took place in various spheres of management, culture and relations at the individual level of the population of Russia and China. To a greater extent, these were positive links, having common goals, complementing and enriching each other. These contacts were formed historically between the Chinese and the peoples in Russia - the USSR, since 1917, they have moved to a new level. The Chinese acted in the ranks of those who supported the councils, and those of the Chinese who lived on the territory of the Soviet country became also true participants in the ongoing socio-political processes, changes, as well as changes in the culture of peoples, the Soviet, party and national-state construction. Of course, as in this case, there were both difficult periods in relations, sometimes turning into an acute confrontational confrontation, rather, at the interstate level, and light, which was more closely connected with the relations of the Chinese, Russian and other peoples of China and Russia. The Chinese, especially the border provinces, settled for permanent settlement in Russia, and participated in the events that took place during the transformation. Therefore, in order to study these processes, a deeper understanding of their significance for the modern Russian-Chinese world, it is important to know the history of different aspects of life, the processes of formation of friendly relations between neighboring states. Very valuable will be the appeal to the experience of the past, which could be both a positive and negative practice that took place during the development of relations between the Chinese and the local population of the Far East. What can be useful to get and use from this experience, which could help bring peoples closer together, improve their situation, create acceptable living conditions, and provide a basis for the security of states.

Ключевые слова: Россия, Китай, китайцы, корейцы, Советы, строительство, Гражданская война, образование, обучение, национально-государственное строительство

Keywords: Russia, China, Chinese, Koreans, Councils, construction, Civil war, education, training, national-state building

Конечно, для местных органов государственной власти, партийных организаций первоочередной задачей в 1920-1930-е гг. оставалось укрепление советской власти. Но для решения этой задачи требовалась относительно спокойная обстановка.

Поэтому на любые агрессивные проявления, направленные против Советов, в том числе и применительно к китайцам, сразу же следовала ответная реакция со стороны органов советской и партийной власти.

Уже в 1918 г. зарождались первые Советы в районах проживания китайцев на Дальнем Востоке. Так, в деревне Николаевка, населенной русскими, китайцами, корейцами, первым был избран деревенский сельский совет, своим решением провозгласивший «перераспределение земель без различия подданства и национальности» [1, с. 44].

Следует отметить, что вопросы партийного и советского строительства в первой половине 1920-х годов, с учетом китайской составляющей, протекали в сложной военно-политической обстановке, что требовало от органов власти особого напряжения сил. Не случаен и тот факт, что партийным и советским органам приходилось неоднократно возвращаться к вопросу «об организации борьбы с бандитизмом, шайками хунхузов».

14 августа 1922 г. на проходившем очередном заседании Примоблбюро РКП(б) особо говорилось о взаимодействии бюро с китайским гарнизоном в плане борьбы с хунхузами, учинявшими повсеместно грабежи и насилие [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.372. Оп.1. Д.58. Л.25 об.]. Особенно активно действовали группировки бандитов вдоль железнодорожной магистрали. Страдало в первую очередь мирное китайское население. Вся надежда его была на защиту со стороны китайского гарнизона.

В деле организации борьбы с бандитами происходили и определенные изменения. Ощутимы они стали с созданием Народного революционного комитета. Под его руководством оказались местные вооруженные отряды Шкотовского, Сучанского, Приханкайского, Анучинского, Спасского районов. На них и возлагалась борьба с альтернативными силами революции, утверждение установившейся власти [РГАСПИ. Ф.372. Оп.2. Д.52. Л.42 об.]. В связи с этим перед органами власти были поставлены две задачи: политико-воспитательная работа среди масс и изыскание средств для материальной поддержки партии. В названных районах проживало и китайское население.

Амурский губернский комитет РКП(б) на проходившем 27 ноября 1922 г. заседании также рассматривал вопрос «О мерах борьбы с переходом золота на китайскую территорию». В связи с этим отмечалось, что явление принимало массовый характер. Были выработаны меры по пресечению подобных проявлений. Устанавливался жесткий контроль над ситуацией [РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.58. Л.25].

Несомненно, и китайцев, и корейцев, проживавших бок о бок, не могли не привлекать провозглашенные положения Декрета о мире и другие декреты советской власти, нацеленные на улучшение положения народных масс. Китайские рабочие находили в этом первейшую возможность улучшить свое материальное положение. Все они потеряли работу на остановленных в это сложное время предприятиях Дальнего Востока.

В ответ уже в 1920-е годы принимались и такие жесткие меры, как ограничение деятельности предпринимателей и купцов из китайской среды, что не могло не вызывать существенного оттока китайского населения, особенно заметного во второй половине 1920-х годов в связи с усилением мер борьбы с контрреволюцией.

Сказывалось на таком положении и отсутствие должного контроля со стороны государства, что порождало значительные масштабы пребывания китайцев на нелегальных условиях и преступность (движение хунхузов, воровство биоресурсов, макосеяние, насаждение опиумных и игорных притонов), создававшая криминальную обстановку и антисанитарию в местах обитания китайцев. Особой статьей выступало использование

китайцев в шпионаже против Союза ССР. Здесь же и нарушение китайцами установленных законодательных норм, регламентировавших их пребывание на территории России.

Основательно занимаясь исследованием настоящей проблемы применительно к Дальнему Востоку, доктор исторических наук Е.Н. Чернолуцкая называет и такие причины, требовавшие ответных действий, как процесс реализации мер по пресечению разного рода преступной деятельности, наблюдавшийся и в 1930-е годы. В этом же ряду значилась ликвидация «Миллионки» (район проживания китайцев во Владивостоке), другие меры. Их практическое осуществление позволяло переходить к решению задач по совершенствованию административно-территориального обустройства, формированию системы органов власти и пр.

Все эти факторы будут взяты за основу при принятии деструктивных мер со стороны органов советской власти относительно китайцев. Будет применен богатый опыт, накопленный в государстве в предшествовавший период по принудительному переселению, миграции, возможности применения его в конце 1930-х годов.

Конечно, меры, предпринимаемые органами царской власти на местах, были мало результативными. Более того, регион Дальний Восток сам по себе нуждался в рабочей силе. Эту задачу и приходилось решать за счет китайцев-мигрантов и других переселенцев [1, с. 36].

Е. Чернолуцкая также указывает на длительную нерешенность комплекса социальных проблем (ликвидация китайских национальных союзов, уличенных в деятельности, которая имела антигосударственный характер, затянувшееся ограничение работы китайских предпринимателей и купцов, неналаженная охрана границ) ¹.

Функционирование до 1936 г. китайского квартала «Миллионка», нелегальных ночлежек, передача их в ведение городских органов власти, неналаженный учет мигрантов сказывались губительно на развитии региона. По данным Е.Н. Чернолуцкой, среди прошедших перерегистрацию 2986 китайцев 690 не имели никаких документов и 287 человек - видов на жительство. При этом они проживали от 3 до 10 лет и никогда не имели соответствующих документов, обеспечивавших их право на проживание [16].

Автором представлены многие численные характеристики происходивших процессов. Так, по ее сведениям, органами Управления НКВД по Дальневосточному краю были закрыты 97 притонов и подверглись уголовному наказанию 807 человек. В Китай добровольно выехали 3682 человека. Однако это не решило проблему пребывания в регионе китайских иммигрантов, с отсутствовавшими разрешительными документами на проживание [14, с. 23].

В крае функционировала система национальных районов. По данным Учетно-информационного отдела Президиума ВЦИК, список национальных районов на территории края включал в себя следующие (см. табл. 1).

¹ Этим состоянием активно пользовались все, у кого возникала проблема пересечения границы. Часто прибегали к подобным действиям и китайцы. Имели место частые подобные переходы в районе с. Инокентьевка (Амурская область). Примеры: 13 октября 1930 г. одновременно группа из 4 китайцев прорывалась через границу в Китай, двух китайцев удалось задержать. 16 октября 1930 г. в районе ст. Лазовая (пограничная застава «Половнища») произошло столкновение с группой из 6 китайцев. Китайцам не удалось преодолеть сопротивление пограничников (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 8. Ч. 2. М., 2008. С. 1510).

Таблица 1. Национальные районы и национальности, проживавшие на территории Дальневосточного края до 1925 г. (процентный состав)

Table 1. National regions and nationalities living on the territory of the Far Eastern Territory (before 1925) (percentage composition).

№ п/п	Наименование областей и районов края	Численность национальный состав
Приморская область		
1	Посыетский район	корейцы 90%, остальные русские
2	Буденновский	корейцы 50%, в составе населения
3	Ольгинский	корейцы 15%, китайцы 2%
4	Шкотовский	корейцы 20%, китайцы 5%
5	Тернейский	корейцы и китайцы
6	Артемовский г/с	корейцы и китайцы
7	Сучанский г/с	корейцы и китайцы
8	Владивостокский	корейцы 9%, китайцы 4%
9	Советский	корейцы и китайцы
Уссурийская область		
1	Ворошиловский	корейцы 30%, китайцы 4,5 %
2	Покровский	корейцы 40%, китайцы 3%
3	Гродековский	корейцы 20%, китайцы
4	Ханкайский	корейцы 22%
5	Ивановский	корейцы 12%
6	Анучинский	корейцы 17%
7	Михайловский	корейцы 7%
8	Черниговский	корейцы 8%
9	Чугуевский	корейцы, китайцы
10	Яковлевский	корейцы, китайцы
11	Шмаковский	корейцы, китайцы
12	Кировский	корейцы
13	Спасский	корейцы 10%
14	Хорольский	корейцы
Хабаровская область		
1	Хабаровский г/с	корейцы, китайцы, казаки
2	Калининский	корейцы, китайцы
3	Постышевский	корейцы, удехе
4	Вяземский	корейцы, китайцы, удехе
5	Лазовский	корейцы
6	Бикинский	корейцы, удехе
Примечание: Кроме этих национальных районов имеются смешанные районы, где проживают вместе с русскими также корейцы и китайцы ¹ . Вышеперечисленные показатели корейского населения неточные.		

Источник: ГАРФ. Р. 1235. Оп. 130. Д. 3. Л. 20-21.

Source: GARF. R. 1235. Op. 130. D. 3. L. 20-21.

Корейских сельсоветов, состоявших исключительно из корейцев, - 152; смешанных, состоявших в основном из корейцев, русских и отчасти китайцев, - 100; китайских сельсоветов - 1; сельсоветов, состоявших из представителей народов Севера, - 215 [3, с. 290-292].

¹ Заведующий орготделом Далькрайисполкома С. Бодреев, и.о. Нацменотдела Дальневосточного крайисполкома Тен Яков информировали о том, что, по данным Край УНХУ, а также сведениям КрайЗУ и КрайОНО, население национальных меньшинств в крае составляло по численности: евреи (Еврейская автономная область) — 16 тыс. человек, корейцы — 201 тыс. человек, китайцы — 45 тыс. человек, народы Севера — 63 тыс. человек [ГАРФ. Р. 1235. Оп. 130. Д. 3. Л. 20 – 21].

Из докладной записки секретариата Дальревкома на имя заместителя заведующего Организационно-распределительным отделом Дальбюро ЦК РКП(б), характеризующей состояние советского аппарата Дальнего Востока, свидетельствует, что аппарат этот, в особенности волостной, после выборов и перевыборов 1924 г., укрепления волостей новыми работниками значительно окреп. Всех волисполкомов в крае (без Камчатки) было 96 с 307 депутатами, в том числе мужчин - 303, женщин - 4, крестьян - 169, рабочих - 49, служащих - 89. В уездных исполкомах были заняты 245 человек, из них крестьян - 96, рабочих - 50, служащих - 72 (данные приведены только по 12 уездисполкомам) [3, с. 150].

Выборы в Советы прошли активно. Было избрано в сельские Советы 19 600 человек, вместо 14 221 избравшихся в предыдущую избирательную кампанию [3, с. 150].

Советы после их избрания сразу же сосредоточивали в своих руках хозяйственные дела. Главной задачей было обеспечение населения продовольствием, поэтому занимались Советы в первую очередь налаживанием производства. Они были представлены также и в других сферах деятельности. Китайцы и корейцы выступали своеобразными конкурентами в этом деле, например, в организации торговой деятельности. И надо заметить, что они в этой отрасли преобладали.

В информации, поступавшей от областных отделений Союза корейцев, сообщалось Всероссийскому союзу корейских рабочих (1924 г.), что острые споры возникали, например, между корейцами и китайцами, проживавшими в областях и являвшимися членами совместной лавки.

Правда, число китайцев было незначительным. Китайцы выступали за свои права, сосредоточивая управление организацией торговли в своих руках, и, соответственно, стремились присвоить название «китайская лавка». Корейцы категорически заявляли, что об этом не может быть и речи. Как отмечалось в информации от 27 ноября 1924 г., «в прежние времена, когда у нас не было еще своей лавки, некоторые члены Союза корейцев СССР состояли членами существующей китайской лавки» [ГАРФ. Ф. 8356. Оп. 1. Д. 26. Л. 218].

На практике Советы, исполкомы осуществляли руководство и организацией аграрной сферы. Особая помощь оказывалась в снабжении хозяйств семенами, поддержке и внедрению новых способов выращивания рисовой культуры. Широкое распространение получил на Дальнем Востоке так называемый способ грядковой культуры. Стало популярным и сеяние такой культуры, как китайский горох, из которого готовилось множество питательных блюд.

В целях полного представления о системе руководства национальными процессами, например, в корейской и китайской среде на Дальнем Востоке Союза ССР в 1922-1926 гг., следует вернуться к проблеме советского строительства в этот период. Он был связан с формированием системы чрезвычайных органов государственной власти - ревкомов.

В условиях начавшейся борьбы с бандитизмом, белогвардейщиной, а для Дальнего Востока еще и с японскими интервентами, пришлось также отступить от формировавшейся системы Советов и заняться реализацией проблемы формирования государственных институтов, рожденных творчеством народных масс и получивших обобщение как органы, выражавшие суть военно-пролетарской диктатуры в стране, носившие временный, чрезвычайный характер - ревкомов.

Обращалось внимание при этом и на создание системы местных (городских и сельских) ревкомов [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 58. Л. 15, 21, 42 об. и др.]. Были сформированы ревкомы: Охотский (18 апреля 1923 г.), Зейский уездревком (Архипов, Железнов, Воблинов), Благовещенский горревком (Барвинский, Жуканов, Слепченко), В.-Чкаревский райревком (24 января 1922 г.; Прохоров, Барабашев, Киселев), Завитинский райревком (С. Машкевич, Маловязов, Клешейко), Сучанский, Приханкайский, Анучинский, Спасский и др.

По мере формирования относительно стабильной обстановки они сразу же передавали власть более демократическим по своему характеру органам власти - Советам (см. табл. 2). Ревкомы занимались управлением национальных процессов в среде проживавших на территории Дальнего Востока народов - украинцев, корейцев, китайцев, немцев и др.

Таблица 2. Ревкомы Дальнего Востока 1922-1926 гг.
Table 2. Revolutionary Committees of the Far East 1922-1926.

№ п/п П	Наименование губерний	Дата образования губревкома	Председатель ревкома	Число членов ревкома, состав	Примечания
1	Амурский губревком	7 ноября 1921 г.	Морозов (Копытин, Копицин, Бородавкин, Зюлов),	5	г. Благовещенск
2	Бурят-Монгольский	Ноябрь 1922 г.		5	Аймачных ревкомов - 4, 12 членов
3	Дальревком	15 ноября 1922 г.	П.А. Кобозев, В.Н. Павлов, Я.Б. Гамарник (с июня 1924 г.), Н.И. Матвеев, П.П. Постышев, Целищев, Копытин, Степанов, М. Дрига, М. Губельман		
4	Забайкальский			5	г. Чита. В мирных условиях: 1-й тех. дел - 232 человек. Подчинялись 14 уездревкомов. Число членов ревкомов уездных - 79
5	Камчатский	Облнарревком - 10 ноября 1922 г.	И.Е. Ларин, М.П.Щербаков, В.Д. Богомолов, М.И. Савченко, Кузнецов, Сузутов, П.Г. Ларичев	5	Орган управления Дальневосточной Республики, был переименован в революционный комитет. 6 волисполкомов. 11 волревкомов, Петропавл. уезд. 2 районных ревкома
6	Прибайкальский		П.П. Постышев	5	г. Верхне-Удинск В уездревкомах - 89 членов. 3 уездревкома, 9 членов, волостных - 164
7	Приамурский	До декабря 1922 г.	М. Дрига, М. Губельман	3	3 уездревкома, 10 членов ревкомов; 67 - волостных
8	Приморский	27 октября 2017 г.	Пшеницын. Корягин		6 уездных ревкомов, 47 - волостных
9	Сахалинский	30 января 1925 г., действовал с 16 января	Шишлянников		Управлять областью имел возможность с 15 мая 1922 г.

Источники: Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг. Сборник документов. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1957. 287 с.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 52. Л. 20.

Sources: Dalrevkom. The first stage of peaceful Soviet construction in the Far East. 1922-1926 Collection of documents. Khabarovsk: Khabarovsk book publishing house, 1957. 287 p.; RGASPI. F. 372. Op. 2. D. 52. L. 20.

В начале марта 1923 г. на Дальнем Востоке по мере стабилизации обстановки была образована Центральная избирательная комиссия по выборам в Советы. Затем были созданы избирательные комиссии на местах - в губерниях, уездах и волостях. В июне - июле 1923 г. возникла избирательная система Советов. В административном отношении в крае было 4 губернии, 13 уездов, 96 волостей. В губерниях было сокращено 435 сельских Советов. В сельские Советы было избрано 19 тыс. представителей этнических меньшинств, проживавших на территории края. После административно-территориальной реформы был образован Дальневосточный край (с 1926 г.) с девятью округами и 75 районами (вместо уездов) [3, с. 217]. Губернии, уезды в 1926 г. упразднились.

Таблица 3. Административное обустройство регионов Дальнего Востока (первая половина 1920-х гг.).

Table 3. Administrative arrangement of the regions of the Far East (first half of the 1920s).

№ п/п	Наименований губерний, областей	Кол-во уездов, районов	Кол-во волостей	Кол-во сельских обществ	Примечание
1	Амурская губ.	4	67	580	Губревком
2	Бурят-Монгольская АО	4 аймака	16 хошунов	1247	
3	Забайкальская губ.	6	107	648	Губревком
4	Камчатская губ.	6		227	Облревком, губревком
5	Приамурская губ.	3	22	470	Губревком, 3 члена
6	Приморская губ.	6	47	636	
7	Сретенский округ 6 ноября 1922 г.	4			4 ревкома, состав заменен

Источник: Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг. Сборник документов. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1957. 287 с.

Source: Dalrevkom. The first stage of peaceful Soviet construction in the Far East. 1922-1926 Collection of documents. Khabarovsk: Khabarovsk book publishing house, 1957. 287 p.

22 декабря 1923 г. Дальревком издал распоряжение приступить к организации на местах (территория Дальнего Востока) к выборам в сельские и городские советы рабочих депутатов. Учитывались интересы этнических меньшинств. Дальревком прилагал усилия к поддержанию мирной обстановки в регионе, созданию нормальной жизни для населения края.

В докладе «Народное образование на Дальнем Востоке», прозвучавшем на I Дальневосточном краевом съезде Советов (22 марта 1926 г.), отмечалось: «Из числа национальных меньшинств, населяющих Дальний Восток, в количественном отношении самыми значительными являются украинцы, корейцы, китайцы, туземные народы, белорусы, татары, евреи и поляки» [3, с. 207].

В крае к этому времени действовали 175 национальных школ с 287 преподавателями и 10 798 учащимися. Из общего числа школ 154 были корейскими, 11 - для туземных детей [3, с. 123-129].

В целях слаженной работы китайцев политические организации на Дальнем Востоке поддерживали отношения с политическими организациями Китая. Местные отделения союза были в курсе жизни общественных организаций за рубежом (Китай), происхо-

дивших на исторической родине событий. Полное сочувствие и поддержку находили изменения, происходившие в жизни самого Китая, также и у оторванных от родины корейцев. Они также проявляли ко всему этому неослабевающий интерес [ГАРФ. Ф. 8356. Оп. 1. Д. 26. Л. 178].

Конкретизировался перечень народов, для которых вопрос о получении образования оставался актуальным. В перечень «культурно-отсталых этносов» были приняты «айсоры, башкиры, бурят-монголы, вотяки (удмурты), дагестанцы, ингуши, кабардино-балкарцы, китайцы, корейцы, карачаи, карелы, киргизы, мордва, осетины, татары, черкесо-адыги, чеченцы, чувашаи, якуты», как жившие в автономных республиках и областях, так и вне национально-территориальных образований» [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 15. Л. 106; 12].

Рассчитывая на поддержку со стороны государства, жизненно важная проблема могла вполне быть решенной.

По данным подсчетов, проведенных Е.Н. Чернолуцкой по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Дальневосточном крае проживали 64 тыс. китайцев, в том числе во Владивостокском округе - 43 513 чел. (67% от суммарной численности), Амурском и Зейском округах - 11 311 чел. (17,4%), Хабаровском и Николаевском - 9224 (14,2%), Сахалинском - 679 (1,1%), Камчатском - 212 человек (0,3%). В последующие годы наблюдается сокращение по разным причинам численности китайцев в крае.

Китайские подданные в 1926 г., по сведениям Далькрайисполкома, составляли 41,3% от общего числа иностранцев в Дальневосточном крае. В золотодобывающей промышленности Дальневосточного края в 1925-1926 гг. было занято 4177 китайцев - половина всех работавших в отрасли [4].

Если же обратиться к национальному составу населения в 1926-1927 гг., то, по данным Дальневосточного краевого исполнительного комитета, направлявшимся во ВЦИК, Отдел национальностей, он выглядел следующим образом. (См. табл. 4).

Таблица 4. Численность населения Дальневосточного края (1 октября 1926 – 1 октября 1927 гг.).

Table 4. The population of the Far Eastern Territory (October 1, 1926 - October 1, 1927).

Название этнических общностей	Численность
Русские	1 174 915
Украинцы	315 203
Корейцы	162 366
Китайцы	80 157
Белорусы	41 124
Поляки	8063
Татары	6073
Буряты	8646
Евреи	7733
Молдаване	3732
Немцы	2452
Латыши	2514
Литовцы	1066 (4026?)
Якуты	1224
Мордва	2712
Цыгане	894
Народы Севера:	
окраинные туземцы	54 023
прочие	7954
Всего:	1 881 351

Источник: Отчет о работе среди корейского населения Дальневосточного края (1 октяб-

ря 1926 - 1 октября 1927 г.). ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 50. Л. 29.

Source: Report on the work among the Korean population of the Far Eastern Territory (October 1, 1926 - October 1, 1927). GARF. F. 1235. Op. 130. D. 50. L. 29.

Во Всесоюзной переписи населения 1926 года констатируется, что в районах Дальневосточного края СССР проживали наряду с другими представителями этнических общностей (корейцы - 169 тыс. чел., японцы - около 1 тыс. чел.) 77 тыс. граждан китайской национальности. Непосредственно во Владивостокском округе числилось 43 513 человек (7,6%). Китайцы на Дальнем Востоке слыли как умелые организаторы легальных и тайных обществ, союзов, в том числе и мафиозных.

Одной из острейших проблем оставалось обеспечение населения края продовольствием. Ощутимая нехватка хлеба была повсеместной. В связи с этим некоторым селениям разрешалось даже проводить закупки хлеба в Китае. Так, крестьянам Екатерино-Николаевского уезда местные органы власти разрешили провести закупку хлеба около 1978 пудов и другого продовольствия. Однако этими акциями потребность населения в хлебе не была удовлетворена.

Продовольственная проблема остро ощущалась в Амурском, Владивостокском, Читинском и Зейском округах. Заметно изменялись и настроения масс, включая и этнические меньшинства края. Особо примечательной становилась тяга китайского национального меньшинства (китайские подданные) к уходу с территории Дальнего Востока в Китай. Они стремились к выезду наряду с китайскими торговцами. По данным краевого отдела труда, около 1000 рабочих-китайцев с 1 сентября по 1 октября 1931 г. бросили работу ради переезда в Китай [9, с. 543].

Оценивая в целом политику государства применительно к этническим меньшинствам на Дальнем Востоке, Е.Н. Чернолуцкая отмечает главное ее направление: «Органы советской власти в 1920-1930-е годы последовательно "проводили политику вовлечения трудящихся восточников" в общественно-политическую жизнь региона через различные институты: отдел уполномоченных по делам национальных меньшинств, профсоюзы, партийные и комсомольские организации, депутатские клубы, общеобразовательные школы, кампании борьбы с шовинизмом и др.».

Преследовалась тем самым цель - решать и такую важную задачу, как «разрушение традиционной замкнутости китайского населения с целью подчинения его своему контролю и формированию лояльного к себе отношения». И здесь же автор делает вывод, что «добиться в полной мере успешных результатов данной политики так и не удалось» [16, с. 18, 384].

Постепенно обстановка в крае стабилизировалась. В первой половине 1930-х годов численность населения края несколько изменилась. Здесь насчитывалось: русских - 1245 тыс. чел., украинцев - 335 тыс. чел., китайцев - 75 тыс. чел., корейцев - более 168 тыс. чел., представителей народов Севера - 61 239 человек [ГАРФ. Ф. Р. 3316 сч. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21].

Расширялась география их расселения. В своем информационном материале проверявший работу золотых приисков Н. Кротов констатировал, что в Нижне-Амурской области, в Николаевске-на-Амуре, были заняты 500 - 600 китайцев. Основная часть китайцев работала грузчиками на кирпичном заводе - 17 чел., лесоповале - 60 чел., в объединении «Экспортлес» - 100 чел., на консервном заводе (Нижний Пронге) - 50 чел., на промыслах - 200 человек [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42]. Китайцы (27 чел.) были заняты в Щербиновском районе (июль 1931 г.) на прииске «Ясный», находившемся в 75 верстах от Николаевска-на-Амуре [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42].

В резолюции расширенного заседания прииска «Софийский» от 4 августа 1931 г. отмечалось, что здесь работали 13 корейцев, 8 китайцев. Они составляли отдельную ударную бригаду, которую возглавлял кореец Ли Тен [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 51]. На прииске «Златоуст» Селимджано-Бурейской волости работали 23 китайца, 3 корейца, 2 русских [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 55]. Коллектив был консолидирован: зачастую отстаивал свои права путем собраний, информировал о своих требованиях по улучшению жизненных условий, обеспечению продовольствием.

Положение на дальневосточных рубежах в этот период оставалось сложным. Сосед России Япония не питала к ней особых чувств, а, скорее, проводила в отношении к СССР агрессивную политику. В начале 1930-х годов ей удалось оккупировать северо-восточный Китай (Маньчжурию). Задолго до этого под оккупацией находилась и Корея (Чосон), часть населения которой еще с прошлого века проживала на территории России.

С оккупацией японцами Маньчжурии в 1932 г. территория Дальнего Востока частично пополнилась китайцами и русскими. Прибыло 20 тыс. русско-китайских граждан [5, с. 4-9]. Конечно, не все они из Харбина уезжали на Дальний Восток.

В промышленном секторе края было занято 6387 рабочих-китайцев. Среди кустарей в промкооперативах из них трудились 23,2%. Китайцы в большинстве концентрировались во Владивостоке (14 тыс. чел.) - на «Дорстрое» - 1730 чел., из них на «Дальзаводе» - 270 чел., а также в промышленных поселках (64%) [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 9].

Большое число китайцев использовалось на сезонных работах. Численность сезонных рабочих, особенно китайцев, в 1930-е годы не была постоянной величиной. С территории Дальнего Востока убыли в этот период 25 000 китайцев и корейцев [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 69].

Несомненно, представители проживавших в крае этнических общностей были обеспокоены нависавшей над ними угрозой со стороны Японии. В связи с этим в своей записке заместитель Народного комиссара по военным и морским делам и председатель РВС СССР Тухачевский 16 июля 1933 г. информировал К.Е. Ворошилова: «Планомерная подготовка Японией войны для захвата Дальнего Востока развивается неуклонно и становится реальной опасностью возникновения военных действий в 1934 году» [ЦГА ВРФ. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 91. Подлинник].

Этнические меньшинства расселялись главным образом по районам края. Что касается непосредственно китайцев, то в Сучанском районе, например, несмотря на то, что он отличался малоземельем, проживало их 36 133 чел. (16,81%), японцев - 1064 чел. (0,49%), украинцев - 7553 чел. (3,51%), русских - 145 233 человека (67,55%) и др. [ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 1. Д. 141. Л. 92]. Китайцы были заняты в основном в аграрном секторе.

Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что год от года стало возрастать число направлений молодежи для учебы в СССР. 13 февраля 1934 г. начальник 4-го Управления штаба РККА Берзин под грифом «Совершенно секретно» направляет докладную записку на имя К.Е. Ворошилова, в которой констатирует: «Китайское Посольство в Москве сообщало НКВД СССР о том, что НАЦПРАВ (Национальное правительство) приняло решение послать студентов в учебные заведения СССР, США, Англии, Франции и Германии».

К отправке в Союз ССР были предложены два студента, причем все расходы на весь период обучения брала на себя Военная комиссия НАЦПРАВ Китая, Китайское посольство¹, которое выражало надежду, что Правительство Союза ССР даст согласие на приезд этих студентов в Союз ССР для получения высшего военного образования. Просьба обстоятельно рассматривалась Управлением штаба РККА. Однако не всегда эти просьбы удовлетворялись, учитывался языковой барьер. На сей раз был сделан вывод, что «подготовка гоминдановских студентов в наших (Союз ССР. - Н.Б.) школах скажется отрица-

¹ С середины 1920-х и до конца 1940-х гг. Полномочными послами Китая в Союзе СССР, которым приходилось строить отношения между двумя государствами, были:

6 октября 1923 г. – 29 августа 1925 г. – Ли Цзяо;

29 августа 1925 г. – июль 1929 г. (разрыв дипломатических отношений) – Сун Баоци;

6 января 1933 г. – 26 августа 1936 г. – Янь Хуэйцин;

26 августа 1936 г. – 12 мая 1938 г. – Цзян Тинфу;

12 мая 1938 г. – 18 апреля 1940 г. – Ян Цзе;

18 апреля 1940 г. – 15 января 1943 г. – Шао Лицзы;

15 января 1943 г. – 11 октября 1949 г. – Фу Бинчан;

тельно на настроениях Китайской Красной Армии» [ЦГА ВС РФ. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 485. Л. 2]. Московская община к 1936 г. насчитывала в своем составе от 20 до 25 тыс. китайцев.

И правительство Китая, и военное командование в 1938-1939 гг. неоднократно обращалось к руководству Союза ССР с просьбой «разрешить обучение группам китайских офицеров в военных училищах Союза ССР. Эти же просьбы исходили и от поверенного в делах Посольства Китая в Москве Юй Мина [ЦГА ВС РФ. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1135. Л. 130-131].

Пока исторической наукой накоплено недостаточно данных об этнических группах в регионе, особенно корейцах и китайцах. Эта особенность источниковой ситуации выступала в качестве причин возникновения вопросов дискуссионного характера в историографии принудительных переселений, расселения корейцев и китайцев [14, с. 51].

По данным прессы, на 1934 г. в Биробиджанском районе из проживавших 52 тыс. человек было 3500 корейцев, 500 китайцев, 12 тыс. евреев, остальные - русские [2].

Хотя в октябре 1935 г. статистика относительно китайцев уже была иной. Так, в Еврейской автономной области (образована 7 мая 1934 г.) численность корейцев составляла 2539 человек (5,0%), китайцев - 184 человека (0,3%), евреев - 10 349 человек (19,6%), русских - 33 780 человек [ГАРФ. Ф. Р. 3316. Оп. 1. Д. 1078. Л. 86;12, с. 146]. В это же время в Хабаровском крае было 3898 китайцев.

В аналитической записке «О нацменьшинствах Дальнего Востока», отмечаются «очень тяжелые условия проживания - опиокурение, морфинирование (так в документе, морфий (морфин) - напиток опийного ряда, получаемый из сока опийного мака. Морфин - кристаллический белый порошок, от автора), пьянство, межнациональные конфликты». Не случайно еще 20 февраля 1930 г. ВЦИК предложил краевым органам власти «добиться решительного перелома в обслуживании китайских рабочих и корейских земледельцев, решая эти задачи на основе поднятия их культуры и здоровья...» [ГАРФ. Ф. Р. 3316. Оп. 1. Д. 1078. Л. 86]. По этому вопросу специально принималось постановление Президиума ВЦИК.

Партийные и советские органы власти стремились как можно больше вовлекать китайцев в общественно-политическую жизнь регионов, повышать их общественную активность. Постепенно возрастало представительство таких этнических меньшинств, как корейцы и китайцы, в советах Дальневосточного края. В начале 1930-х годов в сельских Советах насчитывалось 0,3% китайцев, в городских - 6,3% [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 61].

Данные итогов перевыборной кампании 1931 г. отмечают значительное повышение активности трудящихся. Число учтенных избирателей - 193 342 чел., общее число избирателей - 273 249 человек.

В числе учтенных избирателей в крае было 5414 китайцев и 42 418 корейцев. Число граждан, участвовавших в начале 1930-х годов в выборах Советов, среди корейцев составляло 23 621 чел., китайцев - 2910 человек [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 70].

В ходе состоявшихся выборов было избрано в органы власти на местах: цев - 2026 (16,2%), китайцев - 99 (0,3%). В городские Советы: корейцев - 179, китайцев - 126 (6,3%) [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 71]. В Краевой орган власти, исполком, были избраны 4 китайца, 7 корейцев, представители других этнических общностей. Всего - 103 человека [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 69]. В депутатских группах, включая крупные поселки, было занято 29 китайцев, 4121 кореец [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 86].

Что касается низшего звена органов власти - исполкомов, то корейцев в 1929-1930 гг. было избрано 406 (13 995 избирателей), в 1930-1931 гг. - 449 (14 837 избирателей), в 1931-1932 гг. - 671 (23 445 избирателей); китайцев, соответственно, 6 (150 избирателей), 8 (207 избирателей), 15 (532 избирателя) [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 61].

В названной аналитической записке по вопросам нацменьшинств сообщалось также, что китайцы в ходе перевыборных кампаний отличались высокой этнической мобильностью. Так, например, явка их на выборах в 1931 г. составляла 86,6%. У корейцев - чуть более 50% [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 144]

Находясь в Советах и исполкомах, они отражали и защищали интересы китайского и корейского населения.

Следует заметить, что участие представителей этнических меньшинств в выборных кампаниях было высокого уровня. И в отличие от Советов в селениях с русскими жителями, не стояла угроза проникновения в Советы кулаков, которые, несомненно, преследовали цель подрыва Советов изнутри, нанесения вреда в решении задачи по упрочению советской власти, ведению хозяйственных дел. Как отмечалось по этому поводу в Обзоре о военно-политическом состоянии в Дальневосточном крае за июль 1927 г., по этой причине в ходе выборной кампании «посыпались» 30 кандидатов [8, с. 40].

Важную мобилизующую роль в первой половине 1930-х годов сыграли 10-я партийная краевая конференция, Пленум крайисполкома ВКП(б), а также 4-й краевой съезд Советов, 2-й пленум крайисполкома. Констатировалось, что за прошедшее время удалось достигнуть определенных успехов в гармонизации межэтнических отношений в многонациональном сообществе Дальневосточного края. Этнические меньшинства вовлекались в государственное и нациестроительство. В области советского строительства были созданы в это время 15 национальных райисполкомов, среди которых значились 13 украинских, один еврейский, один корейский райисполкомы.

В «Сводке о работе по обследованию состояния социалистического строительства среди нацменьшинств Дальневосточного края» от 14 октября 1931 г. отмечалось: «Очень медленно развивается работа по созданию сельских и поселковых Советов». Проведенная работа среди нацменьшинств по выборам в национальные Советы содействовала тому, что их численность выросла с 301 в 1929 г. до 317 в 1931 г. В целом же в крае функционировало 600 национальных сельских Советов. В их числе были 300 украинских, 176 корейских, три еврейских, один китайский национальный Совет [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21].

Такая практика, несомненно, раскрывала возможности конкретной работы в разных сферах жизнеустройства. Появилась возможность заниматься расширением сферы получения образования этническими меньшинствами, что касалось в полной мере и китайцев. В этой связи приходилось преодолевать и некоторые трудности. Например, отсутствовало окончательное решение вопроса об алфавите для дунган, о китайском алфавите и др. Алфавиты на середину 1930-х годов не были разработаны «надлежащим образом». Это отмечалось инструктором Президиума ЦИК СССР Мандельштамом в докладе, освещавшем результаты обследования деятельности Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА).

Нерешенность многих аспектов земельного вопроса создавала определенный дискомфорт для центральных органов власти. Поэтому не случайно приходилось постоянно возвращаться к нему, и было очевидным: он выступал в качестве *определяющего начала* положения каждой из этнических общностей.

Целесообразно обратиться к рассмотрению территориального фактора в жизни китайской общности в системе русского мира. Этот вопрос также дискутировался и в китайской среде. По данным российского и советского востоковеда, историка и этнографа Н.В. Кюнера¹, наблюдался ежегодный прирост корейского, как частично и китайского населения в Союзе ССР во второй половине 1930-х годов. На практике это означало необходимость приращения новых земельных массивов для удовлетворения нужд этнических общностей, улучшения их материального положения. Корейцы составляли в паях соответственно 17%, русские - 71%, китайцы - 6,8%.

Под руководством партийных и советских органов власти постепенно налаживалась система образования. Повышался уровень грамотности, в том числе и китайского населения. Китайцы были участниками 1-го в Союзе ССР съезда писателей, проходившего в Москве с 18 августа по 1 сентября 1933 г. В информации констатировалось, что «среди

¹ Николай Васильевич Кюнер, российский и советский востоковед, историк и этнограф. Родился 26 сентября 1877 г. в Тбилиси, Российская империя. Умер 5 апреля 1955 г. (77 лет) в Ленинграде, Союз ССР.

гостей и участников съезда были также китайцы, греки, персы и другие» [12, с.76]. Перед участниками съезда выступали с докладом М. Горький и другие писатели Союза ССР.

В 1936 г. партийные и советские органы власти Дальнего Востока поставили задачу очистить г. Владивосток от социально опасного контингента. Эти меры затронули в первую очередь китайцев. В итоге, по данным исследователя проблемы миграции Е.Н. Чернолуцкой, более 4 тыс. граждан китайской национальности покинули Владивосток [15, с. 256].

Иностранцы граждане (в подавляющем большинстве китайцы, корейцы, реже японцы) выслались из СССР. По неполным данным, на Дальнем Востоке внесудебные органы ОГПУ/НКВД только в 1930-1935 гг. вынесли более 8 тыс. таких приговоров. Обобщающих сведений по этой категории депортированных выявить не удалось [14, с. 37].

Обстановка оставалась крайне беспокойной. То по одному, то по два, а иногда и группами изымались из общества все по тем же причинам - шпионаж, недоверие власти, антисоветская деятельность - представители других этнических меньшинств - чехи, венгры, украинцы, латыши, китайцы и японцы.

1 сентября 1937 г. состоялось заседание Амурского обкома ВКП(б), на котором констатировалось, что вся система связи Амурской области поражена вредительством троцкистско-японских шпионов и диверсантов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5526. Л. 265]. Заключение по этому вопросу вошло в постановление Бюро Амурского обкома РКП(б), после заслушанного сообщения о политическом состоянии в области документ был подписан секретарем Амурского обкома РКП(б) С. Макагоновым. Постепенно в областях Дальнего Востока получили распространение шпиономания, слежки, доноительство и пр. Это же предписывалось корейцам, китайцам и представителям других народов, проживавшим на территории Дальнего Востока (немцы, поляки, казаки и др.).

Сведения, приведенные в таблице, позволяют сделать некоторые заключения в плане вовлечения и китайской, и корейской части населения в общественно-политическую жизнь регионов. И, что ценно, происходило постоянное увеличение численности в составе парторганизаций коммунистов и кандидатов в члены партии - китайцев и корейцев.

В конкретном случае, несомненно, преследовалась цель формирования консолидированной массы вокруг решения поставленных задач, их мобилизации на участие в реализации хозяйственных планов, советского и государственного строительства, а также нацистроительства, повышение этнической мобильности представленных в регионах относительно многочисленных этнических меньшинств.

Разумеется, их численность зависела от компактности проживания китайцев и корейцев в том или ином регионе Дальнего Востока. И не случайно, что самый высокий показатель численности коммунистов и кандидатов от китайцев и корейцев отмечался в Приморской области и в целом в Дальневосточном крае. В конкретном случае не следует принижать и роль местных партийных и советских органов власти, особенно областного, краевого и окружного масштабов. На них ложилась вся тяжесть реализации мер политической составляющей многонационального сообщества.

Надо признать, что расширение в тот период контингента коммунистов, кандидатов в члены партии, усиление роли партийных организаций в среде китайского и корейского этнических меньшинств, их общение на различных уровнях с представителями других народов не могли не оказывать воздействие на проявление таких социальных категорий, как доверие, взаимопонимание, взаимодействие. Правда, достижение этого требовало огромных усилий.

Приведенные данные также свидетельствуют о том, что численность представительства корейцев в партийных организациях была более высокой и значимой по сравнению с китайцами. Вероятно, в этом сказывалось и отношение этнических общностей к самому фактору, планам проживания на территории Дальнего Востока. Оно по своей направленности, характеру и целям не было адекватным.

Конечно, вторая половина 1930-х годов заметно не отличалась обстановкой, которая позволяла бы заниматься вопросами государственного строительства на местах, укреплением власти Советов. С учетом создававшейся неоднозначной обстановки в самих государственных и партийных органах власти не могла она не отражаться и на общем состоянии в регионах государства, в том числе и на жизни этнических общностей, включая и китайскую общину. Уже начиная с 1932 г. наблюдалось ужесточение борьбы с различными антисоветскими группировками, окопавшимися на территории Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют и оценки ситуации, содержащиеся во многих информационных материалах СПО ОГПУ об оперативной работе на местах.

С учетом установок центра участились аресты руководителей подобных групп, в частности в Хабаровске, Биробиджанском районе - 93 чел., в отдельных пограничных селах - в общем 225 человек. Эта участь постигла и многие организации, появившиеся в статусе шпионских, орудовавшие в угольной и соляной промышленности под руководством японцев, а также во Владивостоке, Артеме, Сучане и др. Разворачивалась работа подобных организаций и на Камчатке под руководством консула Японии Шамаде [7, с. 370, 471 и др.], а также кулацких объединений Амурского казачества в устье р. Амур.

Общее представление о действовавших группировках и их распределении по территории Дальнего Востока дает следующая табл. 5.

Таблица 5. Формирование и распределение бандгрупп по территории Дальнего Востока (первая половина 1930-х гг.).

Table 5. Formation and distribution of bandit groups throughout the Far East (first half of the 1930s).

№ п/п	Наименование административных единиц	Внутренние бандгруппировки, число участников	Закордонные бандгруппировки, число участников	Всего: группы, участники
1	Охотский округ	2 (10 участн.)	-	2 (10 участн.)
2	Приморская обл.	6 (42 участн.)	-	8 (48 участн.)
3	Владивостокская обл. (пригранич. районы)	1 (17 участн.)	-	1 (17 участн.)
4	Амурская обл.	15 (166 участн.)	2 (5 участн.)	17 (171 участн.)
5	Всего:	24 (235 участн.)	2 (5 участн.)	28 (247 участн.)

Источник: «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. М., 2017. С. 571.

Source: "Top Secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922 -1934). Т. 10. Part 2. Moscow, 2017. P. 571.

Многие участники подобных движений были арестованы уже в середине 1930-х и пополнили лагеря заключенных. В этот период в лагерях Дальнего Востока находились 24 510 заключенных, 5000 из них трудились на линии Карымская-Уруш [7, с. 252].

Тем не менее труд корейцев и китайцев был весьма востребован и в южных районах страны¹. После проведенных организационных мероприятий корейцы прибывали из Казахской АССР, Москвы в Ивановский район, а в 1935 г. они уже были отмечены как участники проходившей 1-й Ивановской районной конференции наряду с проживавшими в районе венграми, чехами, латышами, украинцами и представителями других этнических общностей. В 1936 г. в составе населения района были уже и китайцы, и японцы [11, с. 91; 10, с. 146].

¹ То по одному, то по два, а иногда и группами изымались из общества граждане все по тем же причинам — шпионаж, недоверие власти, антисоветская деятельность — представители других этнических меньшинств — чехи, венгры, украинцы, латыши, а с 1936 г. еще и китайцы и японцы, которые по разным поводам оказались на Юге России.

Китайцы значились в этот период (февраль 1936 г.) среди населения Якутии и Поволжья. В стенограмме беседы Председателя Президиума ВЦИК и ЦИК СССР М.И. Калинина с членами делегации Якутской АССР 20 февраля 1936 г. отмечалось: «Среди старателей у нас большинство китайцев, есть корейцы и другие националы. Опиум китайцы до сих пор курят, нюхают кокаин. Сейчас, когда все замерзло, в фанзах развилась большая картежная игра. Борьба с этим административными мерами очень трудно, а с культурой у нас слабовато. На опиум и кокаин старатели тратят большие деньги... Работают старатели из китайцев хорошо... работают с утра до ночи» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 150, ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 13. Д. 1. Л. 16; 12, с. 175].

Если исходить из того, что китайская общность на территории СССР доходила порой до 100 тыс. человек, и это были главным образом рабочие, то они представляли заметный производственный ресурс, особенно применительно к Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

В 1936 г. в Союзе ССР была принята новая Конституция СССР, применительно к тем задачам, которые ставились перед обществом. «На подготовку официальных ее положений оказывал воздействие культ личности Сталина, его субъективная оценка государства и общественного развития. Сдерживалось осуществление ряда демократических положений, закрепленных в Конституции СССР. допускалось нарушение отдельных ее требований», - отмечалось в последующем по этому поводу в заключении на имя Л.И. Брежнева по итогам анализа документа И.В. Сталина о подготовке Конституции СССР 1936 года [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 13. Д. 1. Л. 16]

Разумеется, принятие Конституции СССР (1936 г.) имело важное политическое значение, в том числе и в вопросах защиты правовых интересов этнических меньшинств, включая меньшинства Дальнего Востока, которые были представлены и в ряде регионов западной части Союза ССР.

Несмотря на сложную ситуацию, уделялось внимание и подготовке грамотных кадров. 7 сентября 1937 г. этот вопрос специально рассматривался на заседании Президиума ЦИК СССР. С этой целью на местах по указанию ЦИК СССР создавались специальные группы учащихся, в том числе из представителей этнических меньшинств. В Дальневосточном университете эта задача решалась среди японцев, китайцев, маньчжуров, монголов и корейцев. По данным ЦИК СССР, в крае в этот период проживали примерно 30 тыс. китайцев, одна тысяча японцев (численность их не изменялась), а также представители других этнических общностей [ГАРФ. РФ. 3316. Оп. 30. Д. 257. Л. 4].

Система получения образования формировалась с учетом представителей этнических меньшинств, включая китайцев. Всего в РСФСР было 38,5 тыс. китайцев. Конечно, не все китайское население было охвачено обучением в школе. На Дальнем Востоке РСФСР школ было мало. Непосредственно во Владивостоке проживали примерно 10 тыс. китайцев, в Хабаровске - 4043.

На территории страны постепенно реализовывался курс на формирование национальных школ. Нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин, обращаясь к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову по вопросу о национальных школах в русских районах, информировал, что в ноябре 1937 г. в Дальневосточном крае функционировали три китайские школы (182 учащ.) и 278 корейских школ (22 938 учащ.) [12, с. 310].

Происходили определенные трансформации и в системе национально-государственного строительства. В связи с принятием Конституции СССР 1936 года наблюдались изменения в советском строительстве. Исчезло из Основного закона - Конституции СССР упоминание о национальных районах и сельских национальных Советах. Был реорганизован в обычный также действовавший в ту пору Китайский национальный Совет Бикинского района Хабаровской области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5442. Л. 87-89].

Все эти комплексные меры проводились в целях упрочения органов государственной власти, совершенствования процессов управления системой межнациональных отношений в государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в Гражданской войне на Дальнем Востоке. - Ташкент, 1959. - С. 36.
2. Биробиджан сегодня. 11 мая 1934; Тихоокеанская звезда. 11 мая 1934;
3. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг. Сборник документов / Ред. Н.И. Рябов. - Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1957. - С. 150.
4. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Историческая энциклопедия Сибири (2009). - URL: http://irkipedia.ru/content/kitaycy_v_sibiri_i_na_dalnem_vostoke_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 28.09.2017).
5. Российская миграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945 гг.): Сб. док. - Южно-Сахалинск, 1994. - С. 4-9.
6. Сим Хонёнг. Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР. Дис. ... канд. ист. наук. 00.07.02. - М., 1998. - С. 290-292.
7. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. - М., 2017. - С. 370, 471 и др.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 5. - М., 2003. - С. 40.
9. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 6. - М., 2004. - С. 543.
10. Сон Ж.Г. Первые корейцы на Северном Кавказе в 1920-1930-е годы как трудовой ресурс // Гармонизация межнациональных отношений в Южном федеральном округе, российские корейцы в диалоге народов и культур Дона. - Москва; Ростов н/Д, 2011. - С. 146.
11. Сон Ж.Г. «Корейский вопрос» в Азово-Черноморском крае в 1930-е годы // Голос минувшего. Кубанский краеведческий журнал. - 2008. - № 1-2. - С. 91.
12. ЦК ВКП(б) - ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. - М., 2009. - С. 57.
13. Чеботарева В.Г. Москва - центр подготовки национальных кадров для союзных и автономных республик СССР. 1920-1930-е годы // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности. - М., 2007. - 287 с.
14. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг.». Атореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. - Владивосток, 2012. - С. 23, 37.
15. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции... - Владивосток, 2011. - С. 256.
16. Чернолуцкая Е.Н. Проблемы китайской иммиграции на российский Дальний Восток в свете обеспечения государственной безопасности в регионе // Культура Дальнего Востока России в странах АТР: Восток - Запад. Материалы научных конференций 29-30 апреля 2009 г., 5-6 мая 2010 г. ДВГАИ. Вып. 16, 17. - Владивосток: РИО ДВГАИ, 2010. - С. 16. Автором использованы данные начальника Приморского ОУ НКВД Визеля. - С. 18. 334 с.

REFERENCES

1. Babichev I. Uchastiye kitayskikh i koreyskikh trudyashchikhsya v Grazhdanskoj vojne na Dal'nem Vostoke. [Participation of Chinese and Korean workers in the Civil war in the far East]. Tashkent, 1959. p. 36.
2. Birobidzhan segodnya. [Birobidzhan today]. 11 maya 1934; Tikhookeanskaya zvezda. 11 maya 1934;
3. Dal'revkom. Pervyy etap mirnogo sovetskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke. 1922-1926 gg. Sbornik dokumentov. Red. N.I. Ryabov. [Far Eastern revolutionary Committee. The first stage of the Soviet peace building in the far East. 1922-1926. Collection of documents. Ed. N.I. Ryabov]. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1957. p. 150.
4. Kitaytsy v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri (2009). [Chinese in Siberia and the far East. historical encyclopedia of Siberia (2009)]. Available at: URL: http://irkipedia.ru/content/kitaycy_v_sibiri_i_na_dalnem_vostoke_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (accessed: 28 sentyabrya 2017 g.).
5. Rossiyskaya migratsiya v Man'chzhurii: voyenno-politicheskaya deyatel'nost' (1920-1945 gg.). [Russian migration in Manchuria: military-political activity (1920-1945)]. Sb. dok. Yuzhno-Sakhalinsk, 1994. pp. 4-9.

6. Sim Khonong. Koreyskiy etnos v sisteme mezhnatsional'nykh otnosheniy SSSR.[Korean ethnic group in the system of interethnic relations of the USSR]. Dis. ... kand. ist. nauk. 00.07.02. M., 1998. pp. 290-292.
7. Sovershenno sekretno: Lubyanka - Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934).[Top secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934)]. T. 10. CH. 2. M., 2017. p. 370, 471 i dr.
8. Sovershenno sekretno: Lubyanka - Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.). [op secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922 - 1934)]. T. 5. M., 2003. p. 40.
9. Sovershenno sekretno: Lubyanka - Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934).[Top secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934)]. T. 6. M., 2004. p. 543.
10. Son ZH.G. Pervyye koreytsy na Severnom Kavkaze v 1920-1930-ye gody kak trudovoy resurs. Garmonizatsiya mezhnatsional'nykh otnosheniy v Yuzhnom federal'nom okruge, rossiyskiye koreytsy v dialoge narodov i kul'turu Dona. [The first Koreans in the North Caucasus in the 1920s-1930s as a labor resource.Harmonization of interethnic relations in the southern Federal district, Russian Koreans in the dialogue of peoples and culture of the Don]. Moskva; Rostov-na-Donu, p. 146. 14. p. 252. 2 y raz . p. 76. 3-y raz - p. 146;
11. Son ZH.G. «Koreyskiy vopros» v Azovo-Chernomorskom kraye v 1930-ye gody. [The Korean question" in the Azov-black sea region in the 1930s]. Golos minuvshogo. Kubanskiy krayeredcheskiy zhurnal. 2008. № 1-2. p. 91;
12. TSK VKP(b) - VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2. [the Central Committee of the CPSU(b) — VKP(b), and the national question. kN. 2]. M., 2009. p. 57.
13. Chebotareva V.G. Moskva - tsentr podgotovki natsional'nykh kadrov dlya soyuznykh i avtonomnykh respublik SSSR. 1920-1930-ye gody. Moskva mnogonatsional'naya: istoki, evolyutsiya, problemy sovremenosti. [Moscow-the center of training of national personnel for the Union and Autonomous republics of the USSR. 1920-1930-ies. Moscow multinational: origins, evolution, problems of modernity]. M., 2007. 287 p.
14. Chernolutskaya Ye.N. Prinuditel'nyye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920 -1950-ye gg.». Atoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. [Forced migration in the Soviet far East in 1920-1950s". Atore. dis. ... d-RA ist. Sciences: 07.00.02]. Vladivostok, 2012. p. 23, 51, 37
15. Chernolutskaya Ye.N. Prinuditel'nyye migratsii. [Forced migration]. Vladivostok, 2011. p. 256.
16. Chernolutskaya Ye.N. Problemy kitayskoy immigratsii na rossiyskiy Dal'niy Vostok v svete obespecheniya gosudarstvennoy bezopasnosti v regione. Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii v stranakh ATR: Vostok — Zapad. [Problems of Chinese immigration to the Russian far East in the light of state security in the region. Culture of the Russian Far East in the Asia — Pacific countries: East-West]. Materialy nauchnykh konferentsiy 29-30 aprelya 2009 g., 5 - 6 maya 2010 g. DVGAI. Vyp. 16, 17. Vladivostok: RIO DVGAI, 2010. p. 16; Avtorom ispol'zovany dannyye nachal'nika Primorskogo OU NKVD Vizelya. p. 18. 334 p.

Информация об авторе:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса, г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена:30.03.2018

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920 – 1940-е годы. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 3-1 . с.13-29.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-13-29.

Information about the author:

Nikolai F. Bugai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 30.03.2018

For citation: Bugai N.F. Public-political situation in the Far East: Chinese in the soviet construction. 1920-1940th years. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no.3-1. Pp. 13-29. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-13-29. (in Russ)